

МЕТОДОЛОГИЯ

*Л.П. РЕПИНА***Пол, власть и концепция "разделенных сфер":
от истории женщин к гендерной истории**

До середины XX века история человечества фактически была "мужской историей", т.е. ориентированной на мужские персонажи и виды деятельности. Проблематика и методология "женской истории" сформировались на Западе в конце 1960-х - начале 1970-х годов. К настоящему времени можно условно выделить в ней четыре направления. Их принципиальные отличия ярче всего выступают в формулировке исследовательских сверхзадач.

Так, например, в первом направлении, которое господствовало до середины 70-х годов, цель научно-познавательной деятельности интерпретировалась как "восстановление исторического существования женщин", "забытых" или "вычеркнутых" из официальной "мужской" историографии. Но несмотря на то, что приверженцам этого направления удалось достичь несомненного успеха в освещении многих неизвестных страниц истории женщин разных эпох и регионов, такой описательный подход скоро обнаружил свою ограниченность.

Представители другого направления, которое выдвинулось на первый план во второй половине 70-х годов, видели свою задачу в изучении исторически сложившихся отношений господства и подчинения между полами в патриархальных структурах классовых обществ. Они стремились связать "женскую историю" с историей общества и объяснить наличие конфликтующих интересов и альтернативного жизненного опыта женщин разных социальных категорий, опираясь на феминистские теории неомарксистского толка. Последние вводили в традиционный социально-классовый анализ фактор различия полов и определяли статус исторического лица как специфическую комбинацию индивидуальных, половых, семейно-групповых и классовых характеристик.

На рубеже 70-80-х годов феминистская теория обновляется, существенно расширяется методологическая база междисциплинарных исследований, предпринимаются целенаправленные усилия для создания комплексных объяснительных моделей, что не замедлило сказаться и на облике "женской истории". Это касалось не только понимания диалектического характера связей между неравенством полов и социально-классовой иерархией, но, в первую очередь, самого переопределения понятий мужского и женского. В 80-е годы ключевой специфической категорией анализа становится "гендер" или "пол-род", альтернативный понятию "пол-секс" и призванный исключить биологический детерминизм, имплицитно присутствующий в последнем.

Иначе говоря, понимание того, что такое мужчина и женщина, какое поведение приличествует каждому из них, каковы должны быть отношения между ними, есть не

Репина Лорина Петровна - доктор исторических наук, заместитель директора Института всеобщей истории РАН.

простое отражение или прямое продолжение биологических свойств, а продукт культурно-исторического развития. Но сами по себе гендерные различия, во-первых, не указывают на то, почему отношения между мужчинами и женщинами постоянно предполагают господство и подчинение, а во-вторых, не объясняют динамику этих отношений, т.е. не отвечают на вопрос, каким образом они складываются, воспроизводятся и трансформируются. Следовательно, будучи фундаментальным организующим принципом описания и анализа различий в историческом опыте женщин и мужчин, их социальных позициях и поведенческих стереотипах и в чем бы то ни было еще, категория гендера должна быть методологически ориентирована на подключение к более общей объяснительной схеме.

Поскольку гендерные модели "конструируются" обществом (т.е. предписываются институтами социального контроля и культурными традициями), воспроизводство гендерного сознания поддерживает сложившиеся системы отношений господства и подчинения, а также разделения труда по гендерному признаку. Понятно, что в этом контексте гендерный статус выступает как один из конституирующих элементов социальной иерархии и системы распределения власти, престижа и собственности, наряду с этнической и классовой принадлежностью [1]. Именно таким образом в конечном счете смещение "нервного центра" гендерной асимметрии от природных характеристик к социально-культурным включило отношения между полами во всеобъемлющий комплекс социально-исторических взаимосвязей. Интегративный потенциал гендерно ориентированных исследований, конечно, не мог не привлечь тех представителей "женской истории", которые стремились "вернуть истории оба пола" [2, 3]. Гендерный подход быстро завоевал множество активных сторонников и "сочувствующих" в среде социальных историков и историков культуры. Так в 80-е годы, в результате теоретического переосмысления предмета исследования, пересмотра концептуального аппарата и методологических принципов "женской истории", родилась гендерная история.

Центральным предметом исследований стал исторический аспект гендерных представлений, особым образом выражающих системные характеристики социальной организации и структурирующих отношения между индивидами в специфическом контексте. Реализация тех возможностей, которые открывал гендерный анализ, была немислима без его адаптации к неподатливому материалу исторических источников, к специфике исторических методов исследования и генерализации, без тонкой "приправки" нового инструментария. Все это потребовало от историков самостоятельной теоретической работы и вызвало бурные дискуссии. Особую остроту приобрели вопросы о соотношении между понятиями класса и пола, между социальной и гендерной иерархией, между социальной и гендерной мифологией и, соответственно, между социальной и гендерной историей [4-7].

Основные теоретико-методологические положения гендерной истории были сформулированы Д. Скотт в известной программной статье [8]. В ее трактовке это понятие определено как "первичный способ означения властных отношений" и характеризуется специфическим сочетанием четырех неразрывно взаимосвязанных и принципиально несводимых друг к другу подсистем. Это, во-первых, комплекс культурных символов, которые вызывают в членах сообщества, принадлежащих к определенной культурной традиции, множественные и зачастую противоречивые образы. Вторая составляющая - это нормативные утверждения, которые определяют спектр возможных интерпретаций имеющихся символов и находят свое выражение в религиозных, педагогических, научных, правовых и политических доктринах. В-третьих - это социальные институты и организации, в которые входят не только система родства, семья и домохозяйство, но и такие сексуально-дифференцированные институты, как рынок рабочей силы, система образования и государственное устройство. Наконец, четвертый конституирующий элемент - самоидентификация личности.

В соответствии с этой интерпретацией гендера в центре внимания оказываются важнейшие институты социального контроля, регулирующие распределение мате-

риальных и духовных благ, власти и престижа в масштабе всего общества, класса или этнической группы и обеспечивающие таким образом воспроизводство социального порядка, основанного на гендерных различиях, которые, в противоположность природным качествам пола, варьируются от одного культурно-исторического пространства к другому. При этом особое место занимает анализ опосредующей роли гендерных представлений в межличностном взаимодействии, выявление их исторического характера и возможной динамики.

Специфический ракурс и категориальный аппарат исследований определяются соответствующим пониманием природы того объекта, с которым приходится иметь дело историку, и возможной глубины познания исторической реальности. Иными словами, выстраивается уникальная синтетическая модель, в фундамент которой закладываются характеристики всех возможных измерений социума: системно-структурное, социокультурное, индивидуально-личностное. Предполагаемое развертывание этой модели во времени реконструирует историческую динамику в гендерной перспективе. Но от создания теоретической модели до эффективного применения ее потенциала в практике предстояло пройти долгий и трудный путь.

Разработка методологии гендерно-исторического анализа подстегивалась практическими потребностями уже далеко продвинувшихся конкретных исследований, которые показали, с одной стороны, многообразную роль женщин в экономических, политических, интеллектуальных процессах, с другой - противоречивое воздействие этих процессов на их жизнь. Кроме того, была выявлена существенная дифференцированность индивидуального и коллективного опыта, проистекающая из взаимопересечения классовых и гендерных перегородок, социальных, этнических, конфессиональных и половых размежеваний. Гендерный анализ не просто добавил новое измерение и позволил преодолеть некоторые ограничения классического социального анализа, но по существу внес неоценимый вклад в то преобразование целостной картины прошлого, которое составляет сегодня сверхзадачу обновленной социокультурной истории. Современные гендерные исследования пронизали собой, хотя и неравномерно, почти все области исторической науки.

На сегодняшний день гендерная история в ее наиболее широком истолковании представляет собой огромное междисциплинарное поле, охватывающее социально-экономическое, демографическое, социологическое, культурно-антропологическое, психологическое и интеллектуальное измерения. В тематике гендерной истории выделились ключевые для ее объяснительной стратегии сюжетные узлы. Я остановлюсь на одной из центральных и наиболее активно разрабатываемых проблем - "гендер и власть".

Гендерная идеология и власть

В большом числе статей и книг исследуются нормативные предписания, гендерная идеология, включающая расхожие представления о женщинах, которые обычно фиксируют сугубо мужской взгляд на этот предмет и, несмотря на наличие некоторых внутренних противоречий, рисуют в целом негативные стереотипы мужского восприятия, а также навязываемые социумом модели женского поведения. Эти идеи мыслителей разных исторических эпох были зафиксированы в религиозной литературе, научных и философских трактатах, поэтических и других произведениях, которые сохранялись и читались последующими поколениями. В особенности сказанное касается идей тех авторов религиозных, научных и философских трудов, которые считались высшими и непререкаемыми авторитетами: их идеи, с одной стороны, опечатывались в умах людей, не способных сформулировать и увековечить свои собственные мысли, а с другой - служили основой для правовых норм, регламентирующих поведение. Эти "авторские" мнения больше не считались таковыми, а рассматривались в качестве религиозной истины или научного факта.

Ряд неотъемлемых элементов общественного сознания европейцев Нового времени был унаследован от античных и средневековых писателей, от религиозных

мыслителей. И хотя эти авторы во многом были разными людьми, в том, что касалось женщин, они проявляли редкостное единодушие, рассматривая их как определенно низших, по сравнению с мужчинами, существ.

Эти идеи все же претерпели некоторые изменения в XVI-XVIII столетиях в результате интеллектуальных сдвигов, произведенных Возрождением, реформационными течениями и научной революцией раннего Нового времени, которая подвергла сомнению непререкаемость всех и всяческих авторитетов. В это время стали слышны голоса тех, кто отстаивал более позитивный взгляд на женщин. Но еще громче зазвучали и негативные оценки новых мизогинистов, которые теперь предпочитали апеллировать не к Аристотелю или Библии, а к естественным наукам и к юридическим системам. На этой гендерной идеологии и были основаны те введенные в практику нормативные акты, которые не только не увеличили, но еще более ограничили права женщин и их способность действовать независимо во всех сферах жизни.

Множество новых публикаций текстов, их переводы и каталоги, сотни специальных статей, эссе, рецензий, книг и диссертаций, посвященных ренессансным спорам о женском характере, свидетельствуют об огромном интересе к этой тематике гендерных исследований. В работах 80-90-х годов были представлены доказательства активности женщин в развернувшейся в Европе XVI-XVII веков полемике о "женской природе", предложены оригинальные ее интерпретации, которые дали старт дискуссии о возникновении идеологии феминизма в XVII веке. Еще большее расхождение точек зрения, нежели в оценках литературной "памфлетной войны", наблюдается в трактовке взглядов религиозных лидеров XVI-XVII веков. Но несмотря на отсутствие согласия среди исследователей, все же можно, по всей видимости, сделать некоторые обобщения, касающиеся воздействия религиозных перемен на концепции женской природы в сознании эпохи.

Многие из этих представлений восходили к идеям средневековых ученых-схоластов. В глазах Лютера, Кальвина, Цвингли и вождей английских пуритан женщины - создания Господа и могут получить спасение через веру, в религиозной духовности они равны с мужчинами, но во всех других отношениях должны быть им подчинены. Большинство реформаторов признавали принципиальную ответственность Евы за грехопадение и считали, что именно это усугубляет природную неполноценность женщин и необходимость их подчинения мужчинам. Протестанты порвали с католическим учением о высшей ценности целибата и написали множество трактатов, убеждающих женщин и мужчин (в особенности бывших священников и монахов) вступать в брак, а также множество наставлений по управлению семьей и домашнему хозяйством. Вполне понятно, что именно в литературе этого рода, призванной убедить сомневающихся в богоугодности семейной жизни, и обнаруживаются наиболее положительные утверждения о женщинах. Их авторы приводят списки прославившихся своими добродетелями женщин и образцовых жен, они также используют историю о сотворении Евы из адамова ребра как доказательство желания Господа видеть женщину стоящей рядом с мужчиной в качестве его доброй помощницы, а не попираемой и растоптанной (ибо в этом случае Ева была бы создана из ноги Адама). Интересно, что аналогичное соображение выдвигалось и в доказательство того, что женщине никогда не следует претендовать на власть над мужчиной, так как если бы Господь хотел этого, он сотворил бы Еву из головы Адама [9-11].

Протестанты, как и католики, указывали на три цели брака и перечисляли их по значению в том же порядке: деторождение, уклонение от греха и, наконец, взаимопомощь и партнерство. Однако из идеала взаимности в браке отнюдь не следовал идеал равенства, и протестантские семейные наставления, руководства по домашнему хозяйству, брачные проповеди непременно подчеркивают значение мужской власти и женской покорности. Почти во всех течениях протестантизма эта покорность воспринималась как главный приоритет в семейной жизни. Религиозные убеждения женщины никогда не рассматривались как оправдание не только для развода, но и просто для открытых споров с мужем, хотя признавалось ее право молиться о его

обращении. Лишь некоторые радикальные секты разрешали женщинам покидать своих заблудших в вере супругов, требуя, однако, чтобы они быстро вступали в новый брак и таким образом оказывались под должным мужским контролем.

Деятели католической реформации реагировали на вызов протестантизма. С середины XVI века многие католические лидеры, осознавая роль женщин-правительниц как могущественных союзников в борьбе за возвращение или удержание их стран в лоне католицизма, предпочитают воздерживаться от открытой пропаганды наиболее грубых мизогинистских идей в духе раннехристианских мыслителей или средневековых теологов. Даже самая резкая критика не носит огульного характера, а адресно направляется на тех женщин, которые бросают вызов мужскому господству, любые проявления гендерной инверсии сурово осуждаются и преследуются.

Научная революция, которая перевернула картину мира образованных европейцев, открыв им новый взгляд на вселенную, мало что изменила в давно сложившемся представлении о женской неполноценности. Более того, некоторые историки считают, что она его усугубила, отставив ассоциируемые с мужчинами - или определяемые как мужские - понятия разума, порядка, контроля, закона и продолжая отождествлять женский характер с иррациональностью, неупорядоченностью и необузданностью. Признание галеновской идеи о комплементарности полов не предполагало их равноправия. К концу XVIII века идея комплементарности привела к распространению представлений о том, что половые различия пронизывают все виды человеческого опыта: даже форма скелета доказывала большинству наблюдателей, что женщине самой природой предназначено сидеть дома и выхаживать детей [12-14]. Фактически вплоть до XX века наука давала больше "доказательств" сущностного неравенства полов, чем аргументов в пользу их равноправия.

Вся гендерная идеология строилась на взаимосоотнесенных и взаимоопределяющих концепциях, одним своим полюсом обращенных к женщинам, а другим - к мужчинам, но видимая сторона имела "женский образ", поскольку ее творцы предпочитали рассуждать о противоположном поле. В основе всех идей относительно женщин и в законах, вытекающих из них, лежали понятия, в которых мужчины осознавали свои собственные гендерные характеристики. В изучении представлений о гендерных ролях и различиях учитывается соотношение гендерного сознания, разнообразных форм дискурса и общественной практики. Существенный прогресс в этом направлении тесно связан с современными тенденциями в исторической эпистемологии и новым сближением истории и литературы. Наиболее многообещающими с точки зрения истории гендерных представлений являются исследования, максимально использующие не только выдающиеся памятники литературы, но и произведения второго или третьего ряда, а также внелитературные тексты с перекрестным выявлением их интертекстуальных связей и социально-исторических условий возникновения и функционирования.

Так, авторы книги "Половина человечества" показали сосуществование двух противоречивых комплексов представлений о женщинах в переходную эпоху, проведя обстоятельный анализ литературного и социального контекстов знаменитой "памфлетной войны" по поводу женских качеств, о которой уже говорилось выше [15]. Позиции сторон распределились следующим образом: "мизогинисты" вменяли женщинам в вину полный перечень всех возможных пороков, а "феминисты" доказывали несостоятельность бытовавших в общественном сознании негативных женских стереотипов, которыми оперировали их противники. Переноса эти отрицательные характеристики на мужчин, "феминисты" пытались разрушить устоявшиеся образы "коварной соблазнительницы", "сварливой мегеры" и "заядлой расточительницы", приводя многочисленные примеры добродетельных женщин и создавая столь же стереотипные позитивные образы "обманутой невинности", "покорной жены", "благочестивой матроны". Объясняя особый накал и общественную значимость ренессансных дискуссий вокруг не отличающихся особой новизной мизогинистских представлений, К. Хендерсон и Б. Макманус констатировали взаимосвязь между актуализа-

цией негативных женских стереотипов и психологическим переживанием крупных структурных сдвигов в социуме (в том числе демографических процессов и перестройки в системе ценностей). В ситуациях экономической нестабильности и общественного напряжения негативные женские образы подпитывались вовсе не массовостью девиантного поведения женщин, которое могло бы создать реальную угрозу традиционным патриархальным структурам. Лишь очень немногие решались открыто выйти за рамки общепринятых норм, но их неординарные поступки, которые всегда привлекали повышенное внимание, в кризисной ситуации воспринимались охранительным сознанием с особым подозрением. Стрессовые состояния обостряли ощущение вызова, многократно усиливали опасения "сильной половины" в отношении своей сексуальности (поздние браки - стереотип соблазнительницы), в отношении возможных покушений на свое доминирующее положение в семье (отсюда - образ агрессивной склочницы), страх перед разорением домохозяйства в условиях экономической нестабильности (жупел женской расточительности).

Сходные психологические объяснения (наряду с религиозно-политическими, социально-экономическими, демографическими и др.) даются и так называемым ведовским процессам. Сам факт, что огромное большинство лиц, обвиненных в ведовстве, составляли именно женщины, требовал от гендерных историков нового осмысления. Опираясь на то разностороннее знание об общеевропейском и региональных исторических контекстах охоты на ведьм, которое сложилось в современной историографии на базе громадного корпуса исследований, опубликованных за последние четверть века, гендерные историки рассматривают ее содержание сквозь призму социокультурных моделей гендерных отношений, представлений о женской сексуальности и идеологии мужского превосходства. Охота на ведьм выступает как эффективное репрессивное средство социального контроля, массированное применение прямого насилия для обуздания потенциальной женской активности и сохранения мужского господства в условиях резких перемен. Размах преследований, которым подверглись многие женщины (прежде всего, из наиболее уязвимых возрастных и социальных групп) создавал такую атмосферу, в которой дамоклов меч обвинения в ведовстве был способен стать весомым и жестким аргументом в пользу конформизма для всех и каждой из представительниц "слабого пола", повседневное поведение которых он был призван регулировать [17-21].

Конечно, как уже говорилось, позитивные и негативные образцы женского поведения устанавливались мужчинами, но они внедрялись и в сознание женщин и усваивались последними наравне с другими культурными ценностями в процессе социализации. Именно этим, в частности, объясняют, почему женщины вместе с мужчинами участвовали в преследовании ведьм. Наряду с моральными стимулами конформизма бесспорно важную роль играло и то обстоятельство, что материальное и социальное благополучие женщины во многом зависело от ее соответствия эталону добропорядочной жены и матери, от противодействия тем, кто уклонялся от этого стандарта. Старая народная мудрость, которая присутствовала (с незначительными нюансами) в фольклоре всех европейских этносов и утверждала, что мир принадлежит мужчине, а место женщины дома, задавала индивиду целостную культурную модель, всеобъемлющий образ, который, как и все ему подобные, несколько упорядочивал хаотичную действительность, помогал осмысливать переживаемые события и выстраивать линию поведения. Свою действительную плоть и кровь самая долговечная и прочная из всех иерархических систем - столетиями воспроизводившаяся гендерная иерархия - всегда обретала в процессе интериоризации мужчинами и женщинами хранимых в арсенале культуры гендерных моделей и формирования своей индивидуальной гендерной идентичности.

Важным средством поддержания гендерной асимметрии, помимо прямого насилия, был контроль над женской сексуальностью в самом широком смысле, во всех ее действительных в мнимых проявлениях. Общество контролировало сексуальное поведение своих членов с помощью богатого набора инструментов: от светских и

церковных судов до народных обрядов, карающих нарушителей моральных норм публичным унижением [22-25]. И если суды действовали на основе законов или канонов, то добровольные блюстители общественной нравственности исходили из собственных групповых представлений и местных обычаев. Стандарты того, что считалось приемлемым сексуальным поведением, варьировались по странам и социальным группам. За последние двадцать лет были опубликованы сотни научных статей и книг по истории сексуальности, которые рассматривают ее в материальном, социальном и символическом контекстах, сквозь призму гендерных отношений и представлений, совокупности властных позиций и репрессивных механизмов [26-33].

Гендерный аспект распределения частной и публичной власти

В научно-исторических публикациях, которые поднимают вопрос о роли гендера в распределении властных полномочий, вводится различие между, с одной стороны, легитимной политической властью, формально признанным авторитетом, дающим санкционированное обществом право принимать обязательные для его членов решения, и с другой - возможностью оказывать на людей и события неформальное влияние. В соответствии с этим расширяется и понимание политической истории, в предмет которой включается не только официальная политика, но и все, что так или иначе касается властных отношений в обществе. Политический аспект стал усматриваться не только в отношениях между монархом и подданными, но также между хозяином и слугой, отцом и сыном, мужем и женой. Сегодня расширенная и обогащенная концепция власти занимает очень заметное место в гендерной истории, поскольку одной из ее центральных задач является изучение возможностей и способности женщин, лишенных доступа к формальным институтам политической власти, оказывать опосредованное влияние на принятие решений в публичной сфере и на действия других людей или групп в условиях патриархального господства.

Понятие "women's power" применяется во множестве работ, рассматривающих воздействие женщин на политические решения и политические события, их роль в экономике и общественной жизни, их влияние на формирование и передачу культурных стереотипов (в том числе посредством собственной творческой работы), а также особенности так называемых женских сетей влияния. Очень редко обладая формальным авторитетом, женщины действительно располагали эффективными каналами неформального влияния: устраивая браки, они устанавливали новые семейные связи; обмениваясь информацией и распространяя слухи, формировали общественное мнение; оказывая покровительство, помогали или препятствовали политической карьере мужчин; принимая участие в волнениях и восстаниях, проверяли на прочность официальные структуры власти и т.д.

Инструменты и формы этого влияния рассматриваются гендерными историками в рамках различных моделей соотношения приватного и публичного, отражающих распределение власти, престижа и собственности через систему политических, культурных, экономических институтов, которая в каждом обществе определяла конкретно-историческое смысловое наполнение понятий "мужского" и "женского"¹. Иначе говоря, именно исторические изменения в конфигурации частной и публичной сфер общественной жизни выступают как необходимое опосредующее звено в социальной детерминации гендерно-исторической динамики, т.е. в определении траектории и темпов изменений в гендерных отношениях и представлениях.

Антропологи уже на заре исторического развития, во всех обществах, где имело место выделение публичной власти из частной, фиксируют тенденцию к отстранению женщин от этой публичной власти [35]. В классической Греции, где производственная деятельность сосредоточивалась в домохозяйстве, сфера публичного, или полис, была

¹ Эта концепция стала базовой для ряда коллективных проектов. См., например [34].

чисто политической, и ею заправляла небольшая группа взрослых граждан мужского пола. В Древнем Риме, с его четкой концепцией публичной власти, женщины были исключены из нее со всей определенностью. Но уже в каролингский период, когда действительным центром отправления власти стала курия крупного феодала, а не государство, это различие почти исчезло, что практически свело на нет ограничения властных полномочий женщин-наследниц. С постепенным развитием государственного аппарата и усилением контроля с его стороны влияние женщин снижалось [36]. В ряде работ по истории Нового времени приводятся убедительные доказательства того, что так называемое освобождение индивида, которое у большинства историков ассоциируется с воздействием Реформации, подъемом национальных государств и разрушением традиционных общинных структур, не было последовательным и отличалось гендерной исключительностью: через определенный промежуток времени, в XIX веке, происходит "второе закрепощение" женщины семейными структурами: создается культ семьи и домашнего очага, который как раз индивидуальной свободе женщины отнюдь не способствовал.

Уже в раннее Новое время маскулинизация публичной сферы усиливается и в теории, и на практике. Гендерные роли и отношения часто становятся предметом общественного обсуждения. Начало XIX века отмечено очень высоким уровнем демаркации частного и публичного. Именно публичная сфера, включающая мир политики, юридические права и обязанности, рыночные институты, признавалась сферой "реальной" власти, престижа и могущества. Метафора разделенных сфер, которая зримо выражала и подспудно оправдывала расхождение гендерных статусов, стала - наряду с культом домашнего очага и "кодексом чистоты" - своеобразной ортодоксией общественного сознания, и совсем не случайно именно основанная на ней теоретическая модель заняла впоследствии ведущее место в концептуальных построениях и риторике "женской истории". И это несмотря на обоснованные сомнения в ее адекватности и размах экспериментов по деконструкции абсолютизированной дихотомии приватного и публичного как элемента гендерной идеологии викторианской эпохи [37, 38].

Появление нового взгляда на проблему соотношения сферы частного и публичного было связано именно с развитием теоретических и исторических гендерных исследований. При этом гендерные историки, опираясь на антропологические исследования, которые связывают доминирующее положение мужчин и неравенство полов непосредственно с функциональным разделением человеческой деятельности на частную (домашнюю) и публичную сферы и с вытеснением женщин из последней, вносили в эту схему и свои коррективы. Например, во многих работах вопрос о так называемой автономизации частной сферы уходит на задний план. Исходным моментом является понимание зависимости публичной сферы, в которой почти безраздельно доминировали мужчины, от созидательной деятельности женщин в домашней частной жизни. Семья становится фокусом исследования не только из-за того, что в ней реализуется взаимодействие полов, а потому что именно она является тем местом, где перекрещиваются и воздействуют друг на друга приватная и публичная сферы жизни. Новый подход позволил, в частности, описать сложные конфигурации классовых и гендерных различий в двух иерархически организованных общностях - семье и местной деревенской или приходской общине - характерным для каждой из них комплексом социальных взаимодействий, включающим и отношения равноправного обмена, и отношения господства и подчинения [39].

Один из аспектов проблемы участия женщин во всепроникающей системе властных отношений и их неформального влияния в публичной сфере затрагивает тему женской религиозности. Нельзя забывать о том, что в течение всего средневековья хотя и в разной степени, служение Господу давало многим женщинам-настоятельницам (чаще всего из аристократических родов) доступ к властным позициям, пусть и за толстыми монастырскими стенами. В эпоху Реформации религия была одной из

немногих сфер, открытых для проявления индивидуальных предпочтений и реализации не востребуемых способностей женщин, для их самостоятельных решений и действий: хотя женщины не участвовали в разработке вопросов религиозной политики и в публичных спорах по вопросам религии, тем не менее это была главная сфера жизни, где они отвечали за себя сами. Женщина должна была выбирать между тем, что требует от нее принадлежащая мужчинам политическая и церковная власть, и тем, что - как подсказывал внутренний голос - было ей предназначено Богом. Причем, как это ни парадоксально, именно к библейским примерам благочестивых жен чаще всего обращались ослушницы, стараясь обосновать свои поступки, идущие вразрез с мужскими директивами [42-45].

Возможность высказываться в диспутах по религиозным вопросам (в том числе и в печатной форме, рассчитанной на широкую аудиторию) неизмеримо расширила зону женского влияния в публичной сфере [46-51]. Тот факт, что большинство публикаций, авторами которых были женщины, касались религиозных сюжетов, был очевидно неслучаен. Вероятно, благочестие являлось одним из наиболее социально приемлемых оправданий вмешательства "второго пола" в исключительно мужскую область деятельности, поскольку "перо - как меч - считалось мужской прерогативой" [52]. Религиозные убеждения, вступая в противоречие с идеалом покорности и пассивности, иногда являлись побудительным мотивом публичных акций. Возможность религиозного оправдания независимых действий во многом обеспечила массовое участие женщин в радикальных сектах и в религиозно-политических конфликтах эпохи ранних европейских революций в целом (см. [53-56]).

Важное место в обсуждении проблемы "гендер и власть" занимает анализ политического аспекта гендерной дифференциации, который чрезвычайно рельефно выявляется именно в переломные эпохи. Историческая ситуация и события XVI века, в том числе появление в результате династических инцидентов во многих странах Европы государей женского пола и регентствующих матерей при несовершеннолетних монархах (Изабелла в Кастилии, Мария и Елизавета Тюдор - в Англии, Мария Стюарт - в Шотландии, Екатерина Медичи и Анна Австрийская - во Франции и др.), оставили яркий след в политической мысли этого времени. Так, характерной приметой многих произведений ее выдающихся представителей и дебатов между ними стало пристальное внимание к неожиданно выдвинувшейся на первый план проблеме, напрямую связанной с тем, что сегодня понимают под термином "социальное конструирование гендера": может ли женщина, рожденная в королевской семье и обученная "монаршему делу", преодолеть ограничения своего пола? Или иными словами: что было (или что следует считать) главной детерминантой в определении социальной роли индивида - гендер или ранг?

Самыми резкими оппонентами женского правления были английские пуритане и шотландские кальвинисты, которые эмигрировали на континент из-за репрессий "Кровавой Мэри" и Марии де Гиз. В своих сочинениях, опубликованных в изгнании, К. Гудман, Д. Нокс и другие сравнивали Марию Тюдор с Иезавелью и доказывали, что правление женщин противоречит природе, закону и Святому Писанию. Разящие инвективы своего трактата "Первый трубный глас против правления женщин", изданного в Женеве в 1558 году, Нокс направлял в адрес и Марии Тюдор, и Марии Стюарт. Позиция решительно и ясно сформулирована уже в его первой фразе: "Допустить женщину к управлению или к власти над каким-либо королевством, народом или городом противно природе, оскорбительно для Бога, это деяние, наиболее противоречащее его воле и установленному им порядку..." (цит. по [57]). В сочинениях Нокса и его соратников признаком "чудовищного" в оценке правления женщины выступала сама принадлежность к женскому полу, так что ее подданные в дополнительном оправдании для восстания против "такого монстра" и не нуждались.

Ирония судьбы, однако, состояла в том, что именно в год публикации этого и других аналогичных памфлетов пуританских критиков женского правления после смерти

ревностной католички Марии Тюдор на английский трон взошла защитница реформированной церкви Елизавета. И вот тогда стало ясно, насколько в действительности мало что определяющим был для реформаторов вопрос пола, или то, что нынешние историки называют гендерным фактором. «Ваше Величество напрасно гневается на меня из-за моей книги, которая была написана в другие времена и касалась правления других особ, - оправдывается "опасный бунтовщик" Нокс в письме к Елизавете. - Господь... вознес Вас на вершину власти, чтобы Вы правили его людьми для славы церкви Господа». (Цит. по [58]).

Ряд придворных авторов елизаветинского времени выдвинули совершенно новые аргументы против автоматического исключения женщин из порядка престолонаследия. Так, Д. Эйлмер утверждал, что даже замужняя королева может править легитимно, потому что ее подчинение мужу ограничивается частной жизнью и не распространяется на публичную сферу, в которой она и для своего мужа, как для всех подданных, является законным монархом. Эту концепцию "расщепленной идентичности" Эйлмер и другие политические мыслители описывали метафорой "двух тел" государя, позволявшей различать королеву как персону и как воплощение власти. Телесную женственность государыни отделили от обнаруживаемых в ней мужских качеств, которые считались необходимыми для управления подданными и которые она могла получить по династическому рождению и воспитанию. Таким образом, Эйлмер и другие защитники "женского правления" отчетливо разделяли пол-секс и пол-род, или гендер [59].

Напротив, Ж. Воден в своей оппозиции женскому правлению вернулся к постулатам Писания и естественного права и, помимо этого, выдвинул тезис, на который затем в XVII веке чаще всего ссылались его единомышленники в этом вопросе: государство подобно домохозяйству, и потому так же как в домохозяйстве мужу/отцу принадлежит власть над всеми другими, так и в государстве всегда должен править мужчина/монарх. Идея патриархального авторитета и образ Отца использовались монархами для обоснования своих притязаний на власть над подданными, как, например, в утверждении Якова I: "Я - муж, а весь остров - это моя законная жена". (Цит. по [60]).

Аналогия между королевской и отцовской властью могла "работать" и в обратном направлении - на укрепление мужского авторитета главы домохозяйства. Как подданные не имели никакого или строго ограниченное право на восстание против своего государя, так и жена и дети не могли оспаривать авторитет мужа/отца в семье. Считалось, что и монархи, и отцы получили свою власть от Бога, а домохозяйство в этом контексте рассматривалось не как частная, а как мельчайшая *политическая* ячейка и, соответственно, как часть публичной сферы: "Оставив рассуждения о морали философам и теологам, займемся тем, что относится к политической жизни, и поговорим о власти мужа над женой, которая является источником и основой всякого человеческого общества" [61, p. 40].

Реформация способствовала упрочению авторитета глав семейств, придав им еще более важные религиозные и надзирательные функции, чем те, которыми они располагали при католицизме. В католических же странах укрепление власти отца в семье в этот период связывается с проводимой абсолютизмом политикой централизации. Например, во Франции между 1556 и 1789 годами была принята целая серия законов, усиливавших мужской авторитет в семье и власть государства за счет компетенции церкви, которая для признания брака действительным требовала по меньшей мере номинального согласия обеих сторон. Новые законодательные акты вводили тюремное заключение для детей, которые не подчинялись решениям своих отцов, причем сроки наказания для дочерей были значительно дольше, чем для сыновей. Этот двойной пресс семьи и государства нанес значительный ущерб правам женщин распоряжаться своими личными судьбами и собственностью [62].

В XVI-XVII веках власть мужей над женами редко оспаривалась, и женщины были исключены из дискуссии о политических правах: поскольку замужние женщины в

правовом плане находились под опекой супруга, они не могли быть причислены к политически независимым лицам на тех же основаниях, что и слуги. Именно подобная зависимость была использована как повод не прислушаться к требованиям женщин в тех немногих случаях, когда они открыто предприняли самостоятельные политические акции.

Самый яркий тому пример - парламентские петиции женщин в эпоху Английской революции. Несколько раз во время Гражданской войны большие группы женщин напрямую обращались к парламенту с петициями по важным вопросам экономики и политики, и неизменно сталкивались с пренебрежением и насмешками². В петиции 1649 года были использованы самые сильные аргументы в пользу политических прав женщин, когда-либо звучавшие вплоть до XIX века: "Так как мы убеждены в нашем сотворении по подобию Божьему и в нашем стремлении к Христу, равном с мужчинами, как и в пропорциональной доле свобод этой Республики, нас просто не может не удивлять и не огорчать, что мы кажемся вам настолько презренными, что недостойны подавать петиции или представлять наши жалобы этой достопочтенной Палате... Разве мы не заинтересованы равным образом с мужчинами нашей страны в тех вольностях и гарантиях, которые содержатся в Петиции о правах и других добрых законах?..." Язык этого уникального исторического документа совершенно недвусмысленно свидетельствует о том, что его авторы чувствовали себя вправе действовать на политической сцене. Однако никто серьезно не обсуждал эти аргументы, а авторы газетных заметок настоятельно рекомендовали мужьям осуществлять более строгий контроль за своими женами и так загрузить их домашними обязанностями, чтобы у них не было времени беспокоиться о политике [63].

Даже самые радикально-революционные группы в период Гражданской войны и Республики не призывали распространить политические права на женщин и были далеки от того, чтобы предположить, будто за концом власти монарха над его подданными мог бы последовать конец власти мужей над женами. Ведь в их представлении первая была несправедливой и богопротивной, а вторая "естественной". Предоставив возможность активного участия в политической жизни более широкой группе мужчин, парламентские реформы раннего Нового времени фактически повысили значение половой принадлежности как детерминанты политического статуса. Образцы поведения, которым общество побуждало следовать мужчин, все более наполнялись светским содержанием и включали в себя политическую ответственность, в то время как женские добродетели оставались всецело домашними и христианскими [61, р. 39]. Но если в XVI веке такие христианские добродетели, как набожность, милосердие и смирение ценились наравне или даже выше, чем светские, то к XVIII веку такие светские качества, как разум, здравомыслие и товарищество, явно приобрели больший вес. Эти характеристики коллективное сознание приписывало исключительно мужчинам, и то, что они становились самыми важными в общественной жизни, еще более ограничивало возможности женщин играть в ней активную роль. Маскулинизация отразилась и в вербальных предпочтениях, достаточно вспомнить, что во второй половине XVIII века главные социальные и политические цели формулировались в категориях "братства" и "товарищества". Неудивительно, что в русле традиции, начатой видным теоретиком и практиком феминизма 70-х годов Д. Келли в отношении оценки эпохи Возрождения [64], было опровергнуто и представление о раскрепощающем воздействии Великой французской революции на историю женщин [65].

Совершенно очевидно, что интенсивное изучение проблемы "гендер и власть" во

² Например, в 1649 году сотни женщин подали прошение об освобождении лидера левеллеров Д. Лильберна, а в 1659 году семь тысяч квакерских жен подписали петицию в парламент об отмене десятины. Если они и получали какой-то ответ, то сопровождавший его комментарий сводился к тому, что подобные вопросы находятся выше женского понимания и что женщины должны пойти домой и спросить своих мужей, ведь поскольку муж представляет свою жену в публичных делах за пределами домохозяйства, то женщины не имеют права обращаться в парламент.

многим изменило устоявшиеся интерпретации европейской истории Нового времени. Этот период оказывается временем ужесточения гендерной иерархии, что обнаруживается исследователями в самых разных по характеру источниках и во всех аспектах жизни социума, хотя причины этого все еще не до конца выяснены. Сложность выявления динамики гендерной истории усугубляется существенными различиями, неоднозначностью и разновременностью изменений в гендерном статусе отдельных социальных, профессиональных и возрастных групп. Многочисленные исследования продемонстрировали несостоятельность упрощенных схем, в которых та или иная система различий избирается в качестве универсальной объяснительной категории. Таким образом включение "женской" точки обзора поставило на повестку дня вопрос о коррекции общего видения исторического процесса.

Одна из наиболее интересных попыток ввести новую периодизацию истории в гендерной перспективе была сделана в обобщающем труде Б. Андерсон и Д. Цинссер "Их собственная история: женщины в Европе от предыстории до настоящего времени" (см. [66]). Определяющей категорией интерпретации исторического материала выступил гендерный фактор: сходство гендерного статуса перевешивало, по мнению авторов, эпохальные, классовые и этнические различия, несмотря на всю их значимость. К гендерным константам было отнесено следующее: место женщины в европейском обществе устанавливалось по мужчине, от которого она зависела; основные обязанности женщин в семье и по дому не исключали их из других форм труда; труд женщин в домохозяйстве и вне его всегда считался менее важным, чем мужская работа. Лишь немногие европейские женщины (главным образом те, что обладали богатством, высоким положением или талантом) преодолевали ограничения, накладываемые на их жизни обществом; но даже они сталкивались с задаваемыми культурой преимущественно негативными представлениями о женщинах и с убеждением в необходимости подчиняться мужчинам. Несмотря на это у женщин была своя история, траекторию которой авторы прослеживают, фокусируя внимание на изменениях ролевых функций женщин в обществе [66, р. XV—XIX].

В поисках корреляции между статусом женщин и характером общественной организации истории идут вслед за антропологами, которые подчеркивают ее непрямой характер и указывают на то, что усложнение общественных структур влекло за собой снижение авторитета женщины в семье, сокращение ее имущественных прав, установление двойного стандарта норм поведения и морали и, вместе с тем, усиление неформального влияния женщин через более широкую сеть социальных связей за пределами семьи и домохозяйства [67, 68]. Вот почему, сохраняя в целом периодизацию, фиксирующую структурные трансформации в обществе, гендерная история делает акцент на различных последствиях этих перемен для мужчин и для женщин, на долю которых достались не дивиденды, а издержки "прогресса".

Переиздавая получивший широкую известность коллективный труд "Становясь видимыми: женщины в европейской истории", его редакторы отметили две ведущие тенденции. Одна из них - ускорение темпов дифференциации задач в экономике и управлении, что влечет за собой необходимость их централизованной координации: «по мере того, как общества становятся более сложными, власть "стекается" вверх и в общем - в руки немногих мужчин, а большинство женщин остается внизу. Вторая историческая тенденция состоит в попытках оправдать лишение женщин власти и авторитета сведением гендерных различий в некую систему оппозиций, снабженных ярлыками "мужское" и "женское". Качества, якобы присущие женщинам, противопоставляются "мужским": женщины определяются как пассивные, мужчины - как активные, женщины описываются как эмоциональные, мужчины - как интеллектуальные, женщины полагаются "по природе" заботливыми, мужчины - "по природе" честолюбивыми» [69]. В целом же анализ экономической дифференциации и гендерной поляризации производится в общепринятой долгосрочной перспективе.

Оказывается, что в более отдаленное время асимметрия гендерной системы была гораздо слабее, что в эпохи, которые традиционно считаются периодами упадка, ста-

тус женщин относительно мужчин отнюдь не снижался, а в так называемые эры прогресса плоды последнего распределялись между ними далеко не равномерно. Однако при такой постановке проблемы, несмотря на несовпадение фаз исторического опыта мужчин и женщин, задача периодизации исторического развития отходит на второй план, речь уже идет главным образом о его оценке и интерпретации.

Комплексный подход к истории патриархальной системы призван учитывать, помимо психических и культурных составляющих гендерной идентичности, положение субъекта в социальной иерархии и конфигурацию последней. Например, речь идет о том, что степень участия мужчин в отправлениях политических функций в Новое время обуславливалась, в отличие от женщин, не гендером, а целым набором социальных и других факторов. При этом новейшие исследования показывают, что концепции "мужественности" также были важными признаками, определяющими доступ к политической власти. В начале Нового времени понятие "истинного мужчины" подразумевало статус женатого главы домохозяйства, так что холостяки, чей класс и возраст давал им в принципе гражданские права, не могли участвовать в политической жизни в той же мере, что и их женатые собратья. В результате, например, положение подмастерьев в гендерно-дифференцированной социальной системе привело к созданию альтернативных концепций мужественности и мужской чести, которые резко отличались от господствующей. Еще более заметное место занимает проблема переплетения социальных и гендерных различий в исследованиях по истории XIX века. Например, британский историк Дж. Тош подчеркивает, что в то время формирование мужской идентичности было детерминировано балансом между тремя ее компонентами, в свою очередь социально обусловленными и связанными с домом, работой и кругом общения: достойная работа, единоличное содержание семьи и свободное общение на равных с другими мужчинами. Он справедливо считает концепцию разделенных частной и публичной сфер неадекватной еще и потому, что как раз возможность свободного перехода между ними, которая являлась мужской привилегией, была неотъемлемой частью общественного устройства [70].

Необходимость разработки новых концепций и исследовательских моделей, которые позволили бы совместить гендерный и социальный подходы в конкретно-историческом анализе, очевидна. В то же время существует осознанное стремление переписать всю историю гендерных отношений в контексте "культурной истории социального", покончив разом и с вековым "мужским шовинизмом" всеобщей истории, и с затянувшимся сектантством "женской истории". Но нынешнее положение вещей вынуждает констатировать, что решение многих стоящих перед гендерной историей проблем еще потребует значительных усилий, направленных на соединение всех методологических ресурсов и реализацию продуктивного сотрудничества социальных историков и историков культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Epstein C.F.* Deceptive Distinctions: Sex, Gender and the Social Order. New Haven-New York, 1988.
2. *Davis N.Z.* 'Women's History' in Transition: The European Case // *Feminist Studies*. 1976. № 3. P. 83-103.
3. *Perrot M.* Une Histoire des Femmes Est-Elle Possible? Paris, 1984. P. 9-15.
4. *Nicholson L.J.* Gender and History. The Limits of the Social Theory in the Age of the Family. New York, 1986.
5. *Tilly L.A.* Gender, Women's History and Social History // *Social Science History*. 1989. Vol. 13. № 4. P. 439-462.
6. *Gullickson C.L.* Women's History, Social History and Deconstruction // *Ibid.*, P. 463-469.
7. *Bennett J.M.* Who Asks the Questions for Women's History? // *Ibid.*, P. 471-477.

8. *Scott J.W.* Gender: A Useful Category of Historical Analysis // *American Historical Review*. 1986. Vol. 91. №5. P. 1053-1075.
9. *Ozment S.* When Fathers Ruled: Family Life in Reformation Europe. Cambridge, 1983.
10. *Douglass.I.D.* Women, Freedom and Calvin. Philadelphia, 1985.
11. *Roper L.* The Holy Household: Women and Morals in Reformation Augsburg. Oxford, 1989.
12. *Merchant C.* The Death of Nature: Women, Ecology and the Scientific Revolution. New York, 1980.
13. *Smith H.* Gynecology and Ideology in Seventeenth-Century England // *Liberating Women's History: Theoretical and Critical Essays*. Urbana, 1986.
14. *Schiebinger L.* The Mind has no Sex? Women in the Origins of Modern Science. Cambridge (Mass.), 1989.
15. *Henderson K.U., McManus B.F.* Half-Humankind. Contexts and Texts of the Controversy about Women in England, 1540-1650. Urbana, 1985.
16. *Women, Violence and Social Control*. London, 1987. P. 13-29.
17. *Karlsen C.* The Devil in the Shape of a Women. New York, 1987.
18. *Burghartz S.* The Equation of Women and Witches: A Case Study of Witchcraft Trials in Lucerne and Lausanne in the Fifteenth and Sixteenth Centuries // *The German Underworld: Deviants and Outcasts in German History*. London, 1988. P. 57-74.
19. *Barstow A.* On Studying Witchcraft as Women's History: A Historiography of the European witch Persecutions//*Journal of Feminist Studies in Religion*. 1988. Vol. 4. № 1. P. 7-19.
20. *Roper L.* Witchcraft and Fantasy in early Modern Germany // *History Workshop Journal*. 1991, № 32. P. 19-43.
21. *Hester M.* Lewd Women and Wicked Witches: A Study of the Dynamics of Male Domination. London, 1992.
22. *Quaife C.R.* Wanton Wenches and Wayward Wives: Peasants and Illicit Sex in early Seventeenth-Century England. London, 1979.
23. *Family and Sexuality in French History*. Philadelphia, 1980.
24. *Sharpe J.A.* Defamation and Sexual Slander in early Modern England. York, 1980.
25. *Ingram M.* Church Courts, Sex and Marriage in England 1570-1640. Cambridge, 1987.
26. *Sexual Meanings: The Cultural Construction of Gender and Sexuality*. Cambridge (Mass.), 1981.
27. *Sexuality in Eighteenth-Century England*. Manchester, 1982.
28. *McLaren A.* Reproductive Rituals: The Perception of Fertility in England from the Sixteenth to the Nineteenth Century. London-New York, 1984.
29. *Clark A.* Women's Silence, Men's Violence: Sexual Assault in England, 1770-1845. London, 1987.
30. *Mitchison R., Leneman L.* Sexuality and Social Control: Scotland 1660-1780. London, 1989.
31. *Davenport-Hines R.P.T.* Sex, Death and Punishment: Attitudes to Sex and Sexuality in Britain Since the Renaissance. London, 1990.
32. *Laqueur T.* Making Sex: Body and Gender from the Greeks to Freud. Cambridge (Mass.)-London, 1990.
33. *Forbidden History: The State, Society and the Regulation of Sexuality in Modern Europe*. Chicago-London, 1992.
34. *Women and Power in the Middle Ages*. Athens-London, 1988.
35. *Stacey M.* Women, Power and Politics. London, 1981.
36. *McNamara J.A., Wemple S.* The Power of Women through the Family in Medieval Europe // *Clio's Consciousness Raised*. New York, 1974.
37. *Gendered Domains: Rethinking Public and Private in Women's History*. Ithaca-New York, 1992.
38. *History and Feminist Theory*. Middletown (Conn.), 1992.
39. *Amussen S.D.* An Ordered Society: Gender and Class in early Modern England. Oxford-New York. 1988. P. 1-33.
40. *Davis N.Z.* City Women and Religious Change // *Eadem. Society and Culture in early Modern France*. Stanford, (Cal), 1975. P. 65-96.
41. *Collinson P.* The Role of Women in the English Reformation // *Studies in Church History*. London. 1975. P. 258-272.
42. *Renaissance, Reformation, Resurgence*. Grand Rapids, 1976.
43. *Bainton R.H.* Women of the Reformation. Minneapolis, 1977.
44. *Marshall S.W.* Women in the Reformation Era // *Becoming Visible: Women in European History*. Boston. 1977. P. 165-191.

45. Womanhood in Radical Protestantism 1525-1675. New York-Toronto, 1979.
46. *Warnicke K.M.* Women of the English Renaissance and Reformation. Westport (Conn.), 1983.
47. Silent but for the Word: Tudor Women as Patrons, Translators and Writers of Religious Works Kent (Ohio), 1985.
48. Triumph over Silence: Women in Protestant History. Westport (Conn.), 1985.
49. *Wiesner M.E.* Women's Response to the Reformation // The German People and the Reformation. Ithaca, 1988.
50. Women in Reformation and Counter-Reformation Europe: Public and Private Worlds. Bloomington, 1989.
51. *Rapley E.* The Devotes: Women and Church in Seventeenth-Century France. Montreal, 1990.
52. *Mendelson S.* The Mental World of Stuart Women: Three Studies. Brighton, 1987. P. 4.
53. *Parish D.L.* The Power of Female Pietism: Women as Spiritual Authorities and Religious Role Models in Seventeenth-Century England // Journal of Religious History. 1992. Vol. 17. № 1. P. 33-46.
54. *Mack P.* Visionary Women: Ecstatic Prophecy in Seventeenth-Century England. Berkeley, 1992.
55. *Harrison W.* The Role of Women in Anabaptist Thought and Practice: The Hutterite Experience of the Sixteenth and Seventeenth Centuries // Sixteenth Century Journal. 1992. Vol. 23. № 1. P. 49-70.
56. *Crawford P.* Public Duty, Conscience and Women in early Modern England // Public Duty and Private Conscience in Seventeenth-Century England. Oxford, 1993. P. 57-76.
57. Английская Реформация (документы и материалы). М., 1990. С. 55.
58. Англия в эпоху абсолютизма (статьи и источники). М., 1984. С. 57.
59. *Jordan C.* Renaissance Feminism: Literary Texts and Political Models. Ithaca, 1990.
60. *Wiesner M.E.* Women and Gender. P. 243.
61. *Faure C.* Democracy Without Women: Feminism and the Rise of Liberal Individualism in France. Bloomington, 1991.
62. *Hanley S.* Engendering the State: Family Formation and State Building in early Modern France // French Historical Studies, 1989. Vol. 16. № 1. P. 4-27.
63. *Smith H.L.* Reason's Disciples: Seventeenth-Century English Feminists. Urbana, 1982. P. 55.
64. *Kelly J.* Women, History and Theory. Chicago, 1984. P. 19 - 50.
65. *Landes J.* Women and the Public Sphere in the Age of the French Revolution. Ithaca-New York, 1988.
66. *Anderson B.S., Zinsser J.P.* A History of Their Own: Women in Europe from Prehistory to the Present. New York. 1988.
67. Women, Culture and Society. Stanford, (Cal), 1975.
68. Toward an Anthropology of Women. New York, 1975.
69. Becoming Visible: Women in European History. Boston, 1987. P. 1-2.
70. *Tosh J.* What Should Historians do with Masculinity? Reflections on Nineteenth-Century Britain // History Workshop Journal. 1994. № 38. P. 179-202.